

Вопрос **Инфо**

Уважаемые участники!

Олимпиадное задание по направлению «Филология» состоит только из инвариантной части. Это означает, что вам нужно постараться решить все задачи и ответить на все вопросы, чтобы претендовать на призовые места.

При выполнении заданий можно пользоваться черновиком, но на проверку он не предъявляется. Использование сторонних ресурсов и справочных материалов строго запрещено.

Верим в ваш успех!

Вопрос **1**

Балл: 35,00

Задание блока 1.

Дайте развернутый ответ на один из вопросов.

1. Какой электронный научный или справочный ресурс (сайт университета, исследовательского института, кафедры, электронная библиотека и т. д.) оказался для вас наиболее полезным в период затрудненного доступа в библиотеки? Опишите и проанализируйте его структуру и состав, сопоставьте с другими электронными ресурсами.
2. Как бы вы определили основные задачи сравнительного литературоведения и те специфические трудности, с которыми сталкивается в своей работе филолог-компаративист?
3. Какие классические и современные концепции, методы и подходы вам кажутся наиболее интересными и значимыми в филологическом исследовании? На что вы опираетесь (или предполагаете опираться) в своей собственной филологической работе?

Вопрос **2**

Балл: 35,00

Задание блока 2.

Выберите одно из предложенных высказываний и прокомментируйте его: поясните и контекстуализируйте позицию автора, а также изложите вашу точку зрения на затронутую проблему. Ваши рассуждения проиллюстрируйте примерами из

конкретных художественных произведений.**Фрагмент 1**

Обычная манера отождествлять какое-нибудь отдельное суждение с психологическим содержанием авторской души есть ложный для науки путь. В этом смысле душа художника как человека, переживающего те или другие настроения, всегда остается и должна оставаться за пределами его создания. Художественное произведение есть всегда нечто сделанное, оформленное, придуманное — не только искусное но и искусственное в хорошем смысле этого слова; и потому в нём нет и не может быть места отражению душевной эмпирики.

(Б. М. Эйхенбаум, «Как сделана «Шинель» Гоголя»)

Фрагмент 2

Представление о том, что жизнь поэта, его личность, судьба сливаются с творчеством, составляя для публики некое единое целое, принадлежит времени романтизма. В предшествующие эпохи произведения жили для читателей своей, отдельной от авторов жизнью. В них ценили не отражение авторской индивидуальности, а близость к Истине — единой, вечной, «ясной как солнце», по выражению французского философа Декарта. Биография автора воспринималась как нечто постороннее по отношению к творчеству — она не находила отражения ни в наиболее значимых высоких жанрах (например, в оде), ни даже в элегической поэзии, допускаясь в виде намеков лишь в произведения «низкие», по преимуществу комические. Читатели не искали в жизни поэта ключей к смыслу его стихотворений. <...> Сначала предромантизм, а затем и романтизм увидел в поэте прежде всего гения, неповторимый и своеобразный дух которого выражался в оригинальности его творчества. Творчество поэта стало рассматриваться как один огромный автобиографический роман, в котором стихотворения и поэмы образовывали главы, а биография служила сюжетом.

(Ю. М. Лотман, «Александр Сергеевич Пушкин: Биография писателя»)

Фрагмент 3

В специфических чертах реалистического романа в эпоху между двумя мировыми войнами, в чертах, которые связаны между собой и потому трудно делимы, — многосубъектность изображения сознания, расслоение времени, ослабление взаимосвязи внешних событий, возможность менять угол зрения — сказываются, представляется нам, известные устремления, тенденции, потребности как писателей, так и читающей публики. Эти черты отчасти, как кажется, противоречат одна другой и все же образует целое, так что во время анализа постоянно рискуешь незаметно соскользнуть с одного предмета на другой.

(Э. Ауэрбах, «Мимесис»)

Вопрос Инфо

Далее вам предстоит прочитать текст на том иностранном языке, которым вы владеете (английский, французский или немецкий), и резюмировать его содержание (на русском языке).

Выберите **только одно** из заданий № 3–5 для выполнения:

- Текст на английском языке: задание № 3.
- Текст на французском языке: задание № 4.
- Текст на немецком языке: задание № 5.

Обратите внимание на те проблемы и задачи, которые ставит автор, на логику аргументации, основные выводы и положения текста.

Задание блока 3. Выполните только одно из предложенных заданий в данном блоке. Резюмируйте (по-русски) фрагмент текста на английском языке.

Andrei Rogachevskii, «The Cold War Representation of the West in Russian literature» (Cold War Literature: Writing the Global Conflict / Ed. A. Hammond. Taylor & Francis Group, 2006. P. 31-32)

Over the centuries, Russian attitudes to foreigners have been determined by a number of geo-political and cultural factors (perhaps better qualified as assumptions), which have never replaced and/or counterbalanced one another in keeping with every significant historical change, but rather have continued to co-exist in a state of chaotic syncretism while adding new perceptions to the old ones. Among these assumptions, there are a number worth mentioning. First, one finds an East versus West divide, with nineteenth-century Westernizers, for example, pointing to Western Europe as a role model for Russia, whereas twentieth-century Eurasianists believed that Russia's natural allies should be sought in Asia. Second, there is the North versus South divide, based on a mystical doctrine which claims that the ancestors of today's Russians, the so-called Aryans or Hyperboreans, originating from the mythological country of Hyperborea in the Arctic North, went southward to establish civilizations on their way and contaminated their racial purity in the process. The Aryans or Hyperboreans are juxtaposed to the inferior people of the south, with whom they can live in peace and harmony as long as these southerners yield to Aryan leadership. Third, a sea – land divide has been advanced, by which a 'continental' state, Russia, is supposed to share its core interests with Germany, for instance, as opposed to the 'oceanic' USA and UK. Fourth, there is the linguistic aspect, with nineteenth-century Slavophiles advancing the concept of a Slavonic brotherhood, based on the linguistic and cultural affinity of Eastern, Western and Southern Slavs. Fifth, there is the religious aspect (among brother Slavs, the Orthodox Christian nations, such as Bulgaria, were considered to be much closer to Russia than, say, Polish Catholics; as for non-Slavonic nations in southern Europe, a similar distinction applied to Greeks, on the one hand, and Italians on the other). Finally, the issue of class struggle emerged, a Marxist dogma asserting that the working classes of any nationality have more in common than the working class and the bourgeoisie of the same nationality.

Needless to say, logic has rarely served as a basis for any of the abovenamed assumptions, whether taken separately or in conjunction with one another. It appears that these assumptions have taken historical reality into account almost as often as they have ignored it (thus, the third assumption seems to be oblivious of the fact that in the first half of the twentieth century Germany and Russia went to war with each other twice, to mention but one obvious discrepancy). The interaction of these, and other, factors has resulted in a complex of self-contradictory, irrational notions (often amounting to stereotypes), all of which are deeply rooted in people's collective subconscious and could be easily appealed to in case of political expediency, whatever that may be. Thus, the shifting Cold War relations between the Soviet Union and the West have been duly reflected in Soviet literature's attitude to the West, which is not monolithic but is mutable and divided.

With the onset of the Cold War, it became necessary for the communist propaganda machine to convince anyone who would care to pay attention that Russia's recent war allies, Great Britain and the United States, had in fact always been Russia's bitter enemies and had tried to use Nazi Germany's military might to defeat the Soviet Union once and for all. As if following the Orwellian maxim 'Oceania has always been at war with Eurasia,' Nikolai Shpanov's 900-page novel *Podzhigateli (Warmongers, 1950)* sets out to prove that "people like [Harry] Truman, [John Foster] Dulles and [Averell] Harriman <...> not only protected and served as an inspiration to, but also were [fully] behind, the ominous warmongers, namely German and Italian fascists, as well as French and British traitors." The novel, which forms part of a series that also includes the similarly bulky *Zagovorshchiki (Plotters, 1951)*, begins in December 1932 and covers all the main events in European history before the Second World War, from Hitler's rise to power, through the Spanish Civil War, to the fall of Czechoslovakia. The prologue and epilogue, however, take place in post-1945 Europe, mostly in Berlin, Prague and the Vatican, with nuclear weaponry heavily dominating the agenda.

Вопрос 4

Балл: 30,00

Задание блока 3. Выполните только одно из предложенных заданий в данном блоке. Резюмируйте (по-русски) фрагмент текста на французском языке.

Michel Espagne, Michaël Werner, «La construction d'une référence culturelle allemande en France : genèse et histoire (1750-1914)»

(Annales. Economies, sociétés, civilisations. 1987. № 4. P. 969–992)

La culture française des XVIIIe et XIXe siècles passe généralement pour avoir été peu ouverte sur le monde extérieur. Historiquement, cet égocentrisme est fondé sur une position dominante à l'intérieur de l'Europe. Forte de son rayonnement auprès des élites européennes, la culture nationale se suffisait pour ainsi dire à elle-même. La Révolution a repris en la politisant cette attitude qui, il faut le souligner, est largement antérieure à l'éveil des nationalismes et se confond pour une large part avec universalisme des Lumières.

Dans la mesure où la culture est définie comme un ensemble structuré qui suit ses propres règles, elle n'a pas besoin d'un "autre": en principe, elle est en état d'autarcie intellectuelle et tend à reproduire indéfiniment son propre système. Mais en même temps, elle est un processus, soumis à une dynamique historique interne et externe. Non seulement elle absorbe en permanence des éléments extérieurs, mais encore elle fixe constamment ses propres frontières vis-à-vis de l'autre, de ce qui est différent. Ce sont les phénomènes d'identité et de projection qui, au niveau individuel comme au niveau de la pratique sociale collective, sont à la base de cette nécessité de délimitation. Du coup, on conçoit que les problèmes de transfert interculturel, c'est-à-dire de transgression des délimitations instaurées, sont d'un caractère fondamental pour le fonctionnement des systèmes culturels. Une culture nationale se définit également par ses limites, et ce qui est échangé au-delà des frontières du système entre en conflit avec la hiérarchie des valeurs établies, ou même est conditionné par les antagonismes propres du système. Il en résulte que les échanges ne peuvent être interprétés sans référence constante à ces antagonismes et à la fonction qu'ils exercent.

La question se complique du fait du caractère polyculturel de chaque culture. Il est évident que dans le cas qui nous occupe, nous avons affaire en premier lieu au problème des cultures nationales (ce qui suppose des interactions complexes entre systèmes politiques et systèmes culturels); mais en même temps, s'agissant des humanités et en particulier de la philosophie, nous devons tenir compte de la culture humaniste internationale, celle des élites intellectuelles, dont la tradition est antérieure à l'éveil des idées nationales et qui se trouve, au début du XIXe siècle, en symbiose antagoniste avec les cultures nationales respectives. Ainsi, pour cette période, certaines impulsions des transferts culturels transnationaux sont à rechercher du côté de cette tradition humaniste qui, depuis toujours, fait fi des frontières nationales et qui continue à survivre pendant au moins la première moitié du XIXe siècle. Inversement, en tant que constructions idéologiques, les cultures nationales s'appuient socialement sur ces mêmes élites intellectuelles, qui assurent, notamment par le biais du système d'enseignement, la socialisation culturelle des individus. L'étude des transferts entre espaces culturels nationaux pose donc à la fois le problème de la hiérarchie des différentes valeurs et traditions culturelles au sein d'un espace social et celui de la délimitation externe de ces mêmes cultures. Il s'y ajoute enfin la dimension temporelle: pendant la période considérée, la culture humaniste, fondée par ailleurs essentiellement sur la langue latine, est en train de se désagréger, alors que les cultures nationales sont puissamment soutenues par l'accession au pouvoir de la bourgeoisie.

Вопрос 5

Балл: 30,00

Задание блока 3. Выполните только одно из предложенных заданий в данном

блоке. Резюмируйте (по-русски) фрагмент текста на немецком языке.

Michael Wegner, «Thomas Mann und Ivan Gončarov»

(Ivan A. Gončarov : *Leben, Werk und Wirkung*; Beiträge der I. Internationalen Gončarov-Konferenz, Bamberg, 8.–10. Oktober 1991. Köln; Weimar; Wien: Böhlau, 1994. S. 424–425)

Die vier Schlüsselworte für die Annäherung Thomas Manns an die russische Literatur lauten: "moralisch, leidvoll, menschlich und komisch". In diesen Begriffen manifestiert sich für ihn das Wesen der russischen Literatur, in der Thomas Mann vielerlei findet, offenbar mehr als in anderen Literaturen: liebenswerte, phantastische, komische, mystische, unheimliche, leidenschaftliche Menschen, bis zum äußersten zugespitzte Probleme und Konflikte, Leid und Mitleid, Realismus und Lebensfreude, eine symbolträchtige Welt, auch Kunstgriffe, freilich nicht – dagegen spricht schon die Verschiedenheit der russischen Autoren und ihre innere Zwiespältigkeit –, die "Synthese", die Einheitlichkeit, die Harmonie.

Die intensive Gončarov-Lektüre Thomas Manns hat vielfältige Spuren in seinem Werk hinterlassen. Am deutlichsten erkennbar sind sie aus verständlichen Gründen in seinen essayistisch-publizistischen Arbeiten, dort, wo sich Thomas Mann Gončarov direkt zuwendet und sich unmittelbar auf dessen Werk bezieht. Sehr ergiebig in dieser Hinsicht sind die "Betrachtungen eines Unpolitischen", eine umfangreiche, polemische Schrift essayistisch-bekennnishaften Charakters, die in den Weltkriegsjahren 1915–1918 entstanden ist. Durch die Meinungsverschiedenheiten mit seinem Bruder Heinrich veranlaßt, versucht Thomas Mann in diesem Riesen-Essay seinen eigenen Standpunkt in der Geschichte und der Literatur zu formulieren und ihn gegen Einstellungen zu verteidigen, die er dem "Zivilisationsliteraten" zuordnet, demjenigen Intellektuellen, der in eklektizistischer Weise alles bejaht, was die fragwürdigen Werte der parlamentarischen Demokratie des Westens ausmacht. Thomas Mann selbst fühlt sich als Sprecher des "protestierenden Deutschland" (dieser Ausdruck wird von Dostoevskij übernommen), das sich in seiner nationalen Geschichte gegen die westlich-romanische Zivilisation stets aufgelehnt habe und eine eigene idealistisch-romantische Kultur besitze, die nicht auf das Soziale und Politische ziele und in der es ausschließlich um die seelischen Werte der Persönlichkeit gehe. In seinen Argumenten zugunsten dieser problematischen Position glaubt Thomas Mann, in der Ideenwelt der russischen Literatur einen gewichtigen Verbündeten zu finden. Kaum ein Kapitel dieses fast sechshundertseitigen Essays, in dem nicht russische Autoren bemüht werden, vor allem Dostoevskij, aber auch Turgenev, Tolstoj und Gogol' und eben auch Gončarov. Sie alle werden als Kronzeugen für Thomas Manns Auffassungen herangezogen. Die russische Literatur erscheint so für Thomas Mann als ein einmaliges Medium, Rußland als Staat und Gesellschaft zuverlässig zu erkennen. Die russische Literatur habe, so Thomas Mann, mit Kritik und Satire nicht gegeizt, als es darum ging, politisch-soziale Selbstkritik in Rußland auszulösen.